Советская культура
г. Москва
21 ноя 1985

Песни, ставшие судьбой

Нетрудно представить себе, с какой тревогой ждет артист после долгого перерыва новой встречи со слушателями. Особенно эстрадный: ведь на этот жанр привыкли смотреть как на явление преходящее, подвластное «моде», веяниям и вкусам сегодняшнего дня.

Муслима Магомаева десять лет не встречали на столичных концертных площадках с сольными программами. Конечно, ему не грозило, что его «звезда» может погаснуть: он выступал все эти годы с концертами в разных городах страны, бывал в зарубежных гастролях, появлялся с отдельными номерами на экранах телевизора, его записи звучали в радиопередачах, выпускались пластинки. Но непосредственных встреч с публикой не было десять лет — срок большой и, прямо сказать, рискованный! Что предложить нынешней аудитории? Что нового смогут открыть любители эстрады и поклонники его таланта? Даже проблемы выбора репертуара в подобной ситуации серьезны, сложны.

И вот после десятилетнего перерыва перед москвичами на сцене Центрального концертного зала столицы — Муслим Магомаев. Два вечера подряд идет программа «Мои любимые мелодии», и оба вечера — переаншлаг. С первого же номера концерта — собственной песни «Земля, родина любви» (на стихи поэта Н. Добронравова) стало ясно, что перед нами все тот же прекрасный романтический певец-артист, каким мы его знали всегда, обладатель редкого по красоте полнозвучного голоса большого диапазона.

В программке концертов, обращаясь к слушателям, М. Магомаев пояснил принцип подбора репертуара для нынешней встречи, как, впрочем, и для любой другой — **своя** песня, подчеркнул он. Такое необходимо каждому исполнителю — песня, которая остается с артистом на долгие и долгие годы, «постоянно звучит в его памяти и сердце», становится его судьбой. Резкие контрасты — его излюбленный прием и в исполнительском рисунке многих номеров (эмоциональные «взрывы» и спады), и в смелом, а то и дерзком сталкивании произведений полюсного характера.

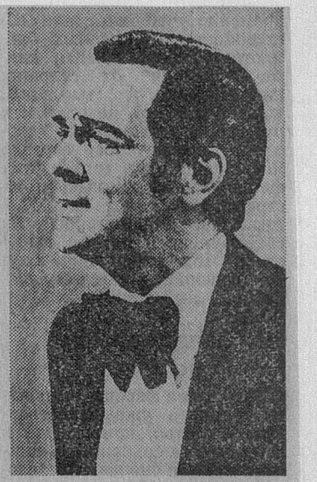
Стремление выйти за рамки принятого, «узаконенного» в эстрадном жанре репертуара — благородная цель. И артист своей нынешней встречей еще раз подтвердил это. Он не обходит вниманием «шлягеры», но обращается к ним не в угоду моде, а в силу творческого интереса его, певца, к овладению приемами, расширяющими диапазон средств вокальной и сценической выразительности. Он не забывает мелодии далеких прошлых лет, но опять же не в дань сегодняшней моде на «ретро», а в силу уважения к традициям — связи времен, связи поколений. Его привлекает песня никому не известного, даже непрофессионального автора (С. Алиевой на стихи Н Добронравова «Возвратись, любимая»), привлекает красотой и чистотой образной речи, благородством чувств, и он включает ее в свой концертный репертуар. Вряд ли кого-то могло покоробить, что среди популярнейших неаполитанских песен вдруг неожиданно зазвучал, если дозволено так выразиться, оперный «шлягер» — знаменитая каватина Фигаро из россиниевского «Севильского цирюльника». С таким ослепительным блеском — певческим, актерским — исполнил ее Муслим Магомаев в сопровождении концертмейстера Большого театра Союза ССР Л. Могилевской, что буквально дух захватило от искрометности темпа, от щедрости калейдоскопически стремительно меняющихся красок.

Вообще открытий на этих встречах с Магомаевым было премного: когда знакомые до каждой нотки мелодии вдруг обретали новые черты, новую глубину — та же слышанная десятки раз проникновенная «Мелодия» Пахмутовой — Добронравова неожиданно обрела несколько трагедийную окраску или «Благодарю тебя» Бабаджаняна и Рождественского стала страстной исповедью человека перед самим собой. А изящные, тонкие, легко прорисованные образы песен Хренникова из музыки к спектаклям «Много шума из ничего» и «Давным-давно»! Можно ли что-то добавить ко всем прежним интерпретациям? Оказывается, можно — непосредственности, легкости, шутливости. И в «Маритане» Свиридова, и в «Возвращении романса» Фельцмана, и в едва ли не самых репертуарных неаполитанских песнях «Скажите девушке», «О, мое солнце», и в мелодии из давнишнего мюзикла Дж. Германа «Привет, Долли!». Да разве перечислишь все?

Был в программе «блок» произведений азербайджанских авторов: новая песня П. Бюль-Бюль оглы «Песне моей поверь», написанная в современных ритмах, порывистая, импульсивная; были романсы У. Гаджибекова, Х. Ниязи, покорившие щедростью мелодики, интонационной красотой национальной музыкальной речи; звучала новая песня самого певца «Элегия» (на стихи Н. Добронравова) — проникновенная, глубокая, как бы сплавившая элементы азербайджанского мелоса несколько импровизационного склада и характерную для современной лирической песни простоту, лаконичность формы; слушатели познакомились с новыми песнями Пахмутовой—Добронравова (композитор вместе с оркестром исполняла партию фортепианного сопровождения) очень разными по характеру, по настроению — восторженно-романтической «Солнце любви твоей» и призывной в духе песен протеста «Дружной песней».

Десятки названий объявляла ведущая — диктор Центрального телевидения Татьяна Веденеева на встречах народного артиста Муслима Магомаева в эти два вечера в Центральном концертном зале. Что-то повторялось, что-то появлялось новое, но неизменным оставался блок песен военных лет, объединенных в вокально-симфонической композиции М. Магомаева «Баллада о маленьком человеке». Именно здесь раскрылось самое яркое в творческом портрете музыканта — его высокая гражданственность, его постоянный интерес к патриотической теме. Не так уж много по времени заняла эта композиция в программе, но по смыслу, по яркости впечатления она стала центральной. Короткий вступительный текст на фоне музыки «Священной войны» А. Александрова, а потом соединенные оркестровыми связками волнующие до глубины сердца мелодии — «За того парня» Фрадкина, «Темная ночь» Богословского, «Эх, дороги» Новикова, «Грустные ивы» Блантера, «Хотят ли русские войны» Колмановского и «Голос земли» Островского.

Слушаешь обширную, разнообразную программу певца и не перестаешь удивляться обилию вокальных красок, штрихов, оттенков: разливистая кантилена и говорок, речитатив, лишь намечающий нотированные звуки; настоящее итальянское бельканто с «металлом», «со слезой» и ревущие интонации зарубежного шлягера; раскатистый бас и прозрачно-нежный фальцет. И все это не для демонстрации техники, а как в обыденной человеческой речи, подсказанное образным содержанием музыки, смыслом фразы, слова. Специалисты говорят, хорошая дикция — это осмысленная музыка. У Магомаева отличная дикция, то есть поэтический текст, каждое его слово продуманно, прочувствованно, пережито. Эмоциональный накал мыслей и чувств, кульминационная нагнетенность артистического темперамента — отсюда порой доведенный до динамической крайности звук, отсюда размашистый жест (его так любят изображать пародисты!).

Как и всегда ранее, во многих ипостасях показал себя Муслим Магомаев — исполнителем эстрадных песен, романсов, арий из оперетт и опер, композитором, пианистом-аккомпаниатором. И во всем — мастером, художником. Тривиальная истина — музыка мертва, пока она не находит достойного интерпретатора. Думаю, счастлив тот композитор, который обрел в лице этого артиста верного помощника и друга — исполнителя созданного произведения. Ряд номеров М. Магомаев пел в собственном сопровождении, но большинство — в сопровождении эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио под руководством Александра Петухова.

М. ИГНАТЬЕВА.